выращивать на своей неогороженной полоске турнепс или кормовые травы, так как все «поле» сразу же после уборки урожая превращалось в пастбище для деревенского скота. И даже крупные землевладельцы – в ближайшие годы после потрясения гражданских войн – не имели в достаточной мере веры в будущее, капитала или кредита, а так же личной заинтересованности в сельском хозяйстве, чтобы взять на себя ведущую роль в улучшении техники землепользования в большом масштабе.

Другое усовершенствование второй половины XVII века – осушение заболоченных земель. Заболоченные местности, к которым относились территории шести графств - Линкольн, Нортхемптон, Хантингтон, Норфолк, Суффолк, Кембридж. Современник Дагдэйл описывал эту местность как «огромную по своей территории (80 миль в длину и 30 миль в ширину), но крайне не выгодную для государства, кроме как занятия рыболовством и охотой, а людей живущих здесь считал почти варварами». Работа по восстановлению заболоченной земли была финансирована голландскими и английскими капиталистами, например граф Бедфорд израсходовал более 100 тысяч шиллингов и рассчитывал получить часть земли в собственность, но столкнулся с ожесточенной оппозицией местного населения, которое боялось потерять права на землю и скудное пропитание, поэтому пытались остановить осушение земель.

Таким образом, можно сделать вывод, что во второй половине XVII – начале XVIII веков эти новшества все еще были в стадии эксперимента, сельскохозяйственные писатели-теоретики проповедовали – а немногие просвещенные лендлорды и фермеры вводили эти методы на практике. Но стало уже проявляться стремление к созданию крупных поместий, огороженных полей и к улучшению сельскохозяйственной техники.

И.Р. Чикалова
(г. Минск)

Реформы народного образования в Великобритании в последней трети XIXв.

Со второй половины XIX в. отчетливо обнаружилось отставание Великобритании в области народного образования. Согласно отчету специального королевского комитета, созданного для изучения состояния школьного дела, в 1861 г. из 2,5 млн детей только 1,5 млн получили хоть какое-то образование. Даже в школах, имевших государственные субсидии, обучение было неудовлетворительным, поскольку сводилось к заучиванию наизусть некоторых правил веры и

нравственности, «остававшихся столь же непонятными детям, как будто они излагались на иностранном языке». Частные школы были еще хуже. Перепись 1851 г. установила, что 708 учителей и учительниц частных школ и 35 учителей общественных школ вместо подписи ставили крест, так как не умели писать. В связи с этим определились задачи национального масштаба: обеспечить всеобщее начальное образование как инструмент воспитания трудолюбивых и законопослушных граждан и подготовки работников, способных трудиться в условиях фабричного машинного производства.

По принятому в 1870 г. закону вся страна разделялась на школьные округа, соответствовавшие гражданским приходам. В них налогоплательщики, включая женщин, избирали школьные советы со сроком действия в 3 года. Они пользовались довольно широкими полномочиями: там, где недоставало школ, открывать новые, делать представление местным властям о взимании школьного налога, решать, должно ли быть посещение школ детьми в возрасте от 5 до 13 лет обязательным и бесплатным, утверждать учебный план, назначать учителей. Государственное управление школами обеспечивалось с помощью механизма субсидий, их выплачивали как окружным, так и частным школам. Условием получения субсидии было выполнение ежегодно издававшихся департаментом народного образования постановлений, определявших требования к школьному обучению. В соответствии с ними школа должна: быть элементарной и публичной, т.е. обеспечивать всем детям одинаковое право на зачисление; удовлетворять минимальным требованиям относительно помещения, состава учителей и предметов обучения; обеспечить удовлетворительные успехи в обучении и регулярность посещения занятий учениками всех классов. И с другой стороны, не может быть ремесленной; не допустима переполненность, нормой для частной школы считалось посещение ее 30-ю учениками. Контроль за соответствием обучения предъявляемым требованиям осуществляли инспектора департамента народного образования с широкими полномочиями. Они вносили представления об отказе в субсидиях, имели право запрещать не соответствовавшие местным условиям предметы обучения и плохие, с их точки зрения, учебники.

Реформа 1870 г. дала импульс к развитию начального образования, в последующие годы были предприняты дополнительные меры. В 1876 г. принятый парламентом закон повысил возраст обязательного обучения до 14 лет, а также предписал создать комитеты, функцией которых было побуждать к посещению школ. На основании закона родители, не заботившиеся о посещении их детьми начальных школ, наказывались штрафом в 5 шилл., а работодатели, принимавшие детей без учета школьных законов – штрафом в 2 ф. ст.

В 1880 г. устранили имевшуюся неопределенность в отношении возраста обязательности посещения школ. Дети 5–10 лет были обязаны обучаться без исключений. 11–14-летних освобождали от обучения полностью или наполовину, если было признано, что дети достигли определяемой школьными правилами соответствующей «степени зрелости» (ученик к 7-летнему возрасту обыкновенно достигал первой степени и с каждым очередным годом обучения продвигался на степень выше). При освобождении «наполовину» школу нужно было посещать либо ежедневно на 2 часа, либо через день, но на 4. Эту норму ввели, чтобы учесть интересы детей, принятых на фабричную работу, поскольку законодательство допускало детский труд. Школьная реформа несколько улучшила положение. В 1869 г. в начальных школах обучалось 2,3 млн детей, а спустя 10 лет – 3 млн, но этот прогресс был весьма относителен. Школы посещали относительно ко всем внесенным в списки: в 1871 г. – 6% детей, в 1877 г. – 9%, в 1881 г. – 11%, в 1891 г. – 13%, в 1895 г. – 14% детей.

Медленное вовлечения детей в школы было связана с множеством негативных обстоятельств. Большинство семей не осознало необходимости обучения детей, местные школьные органы плохо следили за выполнением законов, судьи или совсем не наказывали виновных, или ограничивались малозначительными минимальными штрафами. Недоставало и ученических мест. Хотя с 1871 по 1897 г. их количество возросло с 2 млн до 6,2 млн, они могли обеспечить потребности только 20% населения. Однако процесс развития народного образования нарастал. С 1891 г. по инициативе консервативного кабинета Солсбери все школы стали получать субсидии в размере 10 шилл. в год на каждого ребенка с условием, что плата за обучение взиматься не будет или ее уменьшат на эти 10 шилл. Это потребовало ежегодно около 2 млн ф.ст. дополнительных расходов, но сделало начальное обучение фактически бесплатным. Общие ассигнования на школу возросли с 2,5 млн ф.ст. в 1871 г. до 14,5 млн. в 1895 г., причем доля государства в них возросла с 37 до 46%. О результатах школьной реформы можно судить по тому, что с 1873 по 1893 г. число мужчин, не умевших подписаться при бракосочетании, уменьшилось с 18,8 до 5% и женщин – с 24,5 до 5,7%.

Произошли изменения и в системе среднего образования. Школы повышенного, сравнительно с начальными, уровня не были унифицированными учебными заведениями. Часть из них лишь дополняла и развивала знания, полученные в начальной школе, учащиеся этих школ находились в возрастном диапазоне 14–16 лет. В школах более высокого уровня 16–18-летние учащиеся, как полагали, должны подготовиться к овладению в последующем деловыми

профессиями в торговле, промышленности и т. п. отраслях. В школах наивысшего типа молодые люди 18–20 лет готовились к поступлению в университеты. Значительный слой составляли имевшие давнюю историю т. н. «общественные школы». Социальный статус каждой из них различался, подчас диаметрально. Наибольшим престижем пользовались 260 частных школ наподобие тех, что были в Итоне, Винчестере, Регби, Харроу. В них проходили обучение 4% школьников, но они концентрировали аристократическую и буржуазную элиту английского общества. Здесь социальным барьером была высокая стоимость пребывания, доходившая до 300 ф.ст. в год. Главной целью считалось воспитание на аристократических традициях. Жесткие и строгие порядки должны были закалить дух и тело, проступки влекли телесные наказания розгой, занятия спортом – крикетом, футболом, греблей – поощрялись. Приобретение научных знаний считалось второстепенным делом: до середины XIX в., кроме древних языков, преподавалась одна математика. В числе учебных предметов не было ни истории, ни географии, ни даже английского языка. Когда лорд Пальмерстон, слывший одним из лучших учеников Итона, стал министром колоний, то первым делом попросил показать на карте, «где находятся эти земли». Невысокий уровень познаний, обеспечиваемый элитными школами, никак не снижал авторитет этих учебных заведений.

Архаичность системы среднего образования требовала ее реформирования. В 1868 г. парламент принял закон о средних школах. В частности, он создал правовую базу школ, которые содержались на пожертвования частных лиц и различных ассоциаций. Закон предписал создавать комитеты благотворительности для контроля за школами, содержавшимися на пожертвования. Комитеты стремились обеспечить доступность этих школ посредством финансирования бесплатных мест и выделения стипендий. Законодательно установили, что стипендии и бесплатные места в них предоставлялись по результатам экзамена, к которому допускались выходцы из различных социальных слоев. В школах наряду с классическими стали создавать т. н. «новые» отделения. Если в первых главными предметами были древние языки, то во вторых доминирующее место заняло преподавание новых языков, математики и естественных наук. Дух реформ затронул привилегированные учебные заведения. В «общественные школы» уровня упоминавшихся учебных заведений Итона, Винчестера и Харроу стали принимать не только отпрысков аристократии, но и детей из буржуазных кругов.

Индустриализация промышленного производства и механизация сельского хозяйства требовали специалистов, компетентных в технической сфере. Ввиду наступления конкурентов нужны были

обученные кадры, способные сохранить и приумножить английскую промышленную гегемонию. Другого пути, как расширения в рамках среднего образования цикла естественных дисциплин и даже открытия профилированных в этом направлении школ, не было. В 1889 и 1891 гг. парламент принял законы о техническом образовании, под которым понималось не получение узкой профессии, а обучение естественным наукам, математике, техническому рисованию, современным языкам, необходимым для освоения высокотехнологичного производства. Органы самоуправления, советы графств и городов получили право собирать налоги для финансирования преподавания этих предметов, а также выплаты стипендий и оплаты обучения.

Школ, дававших выпускникам право поступления в университеты, было недостаточно даже в крупных городах. Причин этому было несколько. С одной стороны, государство не регулировало процесс развития школьного среднего образования, предоставляя его частной инициативе и ограничивая свою роль устранением явных недостатков. С другой, – в обществе еще не сложилось представление о необходимости среднего образования как предпосылке карьерного роста. Получение среднего и университетского образования рассматривали лишь в плане престижных соображений. Лишь с приходом XX столетия в британском обществе распространяется взгляд на образование как на эффективный инструмент достижения успеха в разных сферах деятельности.

И.М. Эрлихсон
(г. Москва)

Джон Мильтон и республиканская утопия Английской революции середины XVII в.

Знаменательный в исторических судьбах многих европейских государств, XVII век определил ход мировой истории. В этом столетии страны Европы захлестнула волна революций и национальных восстаний: так, в 1640 Португалия отделилась от Испании, в 1648 году Голландия силой оружия добилась признания своего суверенитета и завершила войну с Испанией, в том же 1648 году во Франции началось движение парламентской Фронды против королевского абсолютизма. В Англии же революция достигла своей кульминации в 1649 году, когда на эшафот взошел английский король Карл I, а страна была провозглашена республикой и «свободным государством».

После казни короля власть сосредоточилась в руках Охвостья, и проводимая им политика наглядно демонстрировала, что права и привилегии перешли от монарха не к народу, а в руки узкой